

В. В. Хоронжая

*Науч. рук. – Т. Н. Усольцева, канд. филол. наук,
доцент*

**«СОБОРЯНЕ» Н. С. ЛЕСКОВА КАК ПРАТЕКСТ
РОМАНА Б. АКУНИНА «ПЕЛАГИЯ И БЕЛЫЙ
БУЛЬДОГ»**

В статье рассматривается образ провинциального города Заволжска романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог» в интертекстуальных связях с образом Старгорода в романе-хронике «Соборяне» Н. С. Лескова.

Неоднократно было замечено, что творчество Б. Акунина строится на игре с произведениями русской литературы. Автор насыщает свои романы элементами «чужого текста», создавая новый текст с детективной интригой. Обращение Акунина к провинциальному хронотопу отсылает к множеству текстов, так как образ провинциального города в русской литературе достаточно разработан. Его формирование началось в творчестве Гоголя еще Миргородом. Провинциальный город осознается русскими писателями двояко: как замкнутое в себе патриархальное пространство, обладающее ценностно-нормативными и сакральными характеристиками, отличающееся гармоничностью, чистотой, искренностью, крепостью родовых отношений с одной стороны, и среда рутинная, отсталая, не способная принципиально обновляться – с другой.

Одной из особенностей образа провинциального города зачастую является его безымянность или сокращённые названия (город NN в «Мёртвых душах» Гоголя, город С. в рассказе Чехова «Ионыч» и другие). Но в данном случае мы имеем дело со значимым топонимом. Заволжск – реально существующий город в России, административный центр Заволжского района Ивановской области. Но свое название он получил только в 1954 году, в то время как в романе Акунина он уже известен. Таким образом, соотнести эти два города не представляется возможным. Скорее всего, Акунин использует это название в качестве реминисценции к хронике Н. С. Лескова «Соборяне», а именно к топониму Заречье. Слова образованы по одной схеме с помощью приставки за-. Корни слов

образованы от слов «река» и «Волга», семантика которых, безусловно, связана. Второе является частным названием первого.

Как уже было отмечено, образ Заволжска не уникален по своей природе, он является сборкой черт различных городов классической русской литературы. Провинциальный Заволжск с его размеренной и внешне спокойной жизнью напоминает лесковский Старгород:

«Люди, жите-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки. Это – протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын» [1]. Так начинается роман «Соборяне».

В романе Лескова подробно воспроизводится типичная провинциальная обыденность, в которой на первый план выдвинут человек и драматические коллизии, вызванные столкновением истины с ложью, искренности с фальшью, веры с равнодушием. Писатель, характеризуя все сферы провинциальной жизни, олицетворяет то устройство жизни, тот, по-видимому, непоколебимый уклад бытия, который каждое новое поколение наследует у каждого предыдущего; он становится своеобразным носителем культурной информации, представляя собой особую знаковую систему, включающую и элементы топографически реального пространства, и основные сферы социальной, бытовой, духовной, религиозной, экономической жизни.

В то же время изображение «уездной глуши» является попыткой отразить кризисные события в русской истории, разобраться в русской душе и русском характере. Описывая повседневность обитателей старгородской поповки и утверждая ценность этой повседневности, Лесков показывает быт Захарии, жизнь Ахиллы и подвиг Савелия Туберозова. Обращаясь к демикотонной книге Савелия Туберозова, Лесков демонстрирует жизнь вечную, которая осуществляется вопреки хаосу старгородской обыденности.

Акунин, вслед за Лесковым, обращается к самому исконному, старозаветному слою русского общества – к провинциальному духовенству.

Литературным прообразом владыки Митрофания выступает отец Савелий Туберозов. Акунин наделяет своего героя более высоким званием – архиерей, но подчеркивает связь с лесковским персонажем, описывая внешность Митрофания. Например, акунинская характеристика: «Взгляд острый, по большей части мягкий и ясный, но тем страшнее, когда затуманится гневом и начнет извергать молнии» [2] достаточно точно отражает описание Савелия Лесковым:

«Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освещаться присутствием разума <...>; в них же сверкал порою и огонь негодования, и они бросали искры гнева...» [1].

Нет сомнения, что при описании Митрофания Акунин ссылался именно на Туберозова. Но отец Савелий, видя свое земное назначение быть охранителем человеческой души, обреченной на существование в мире, живущем «без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих», фигура куда более сложная и трагичная, нежели акунинский владыка, напоминая также и отца Сергея Толстого. Как и герой Толстого, Митрофаний начинал свой путь с блестящей светской и военной карьеры (Крымская кампания – факт биографии самого Льва Толстого – помянута не случайно), точно так же однажды круто переменял судьбу отречением от прошлого и обращением к Богу, так же предавался суровой аскезе, но, в конце концов, в отличие от толстовского героя, укрощавшего плоть даже таким радикальным способом, как отрубание собственного пальца, пришел к выводу, что «плоть умерщвлять – глупость и незачем», что «истинные испытания человеку ниспосылаются не в области физиологической, а в области духовной и истребление тела не всегда влечет за собой спасение души» [2].

Словно в пику нравственного максимализма толстовского героя, Акунин делает своего Митрофания «богоприятно легкомысленным»,

сibarитом, сторонником разумного компромисса, покровителем плоти в ее естественном и необходимом проявлении, но одновременно мудрым духовным наставником и успешным социальным реформатором.

Занятно, что даже ключик к самой детективной завязке акунинского романа лежит на страницах Лескова – в фантастической картине предрассветного Старгорода, по которому спускаются к речке три загадочные фигуры. У одной из них «под левой рукой... было что-то похожее на орудия пытки, а в правой он держал кровавый мешок, из которого свесились книзу две человеческие головы, бледные, лишенные волос и, вероятно, испутившие последний вздох в пытке» [1] (потом, правда, при свете наступающего дня выясняется, что это – кучер, который несет под мышкой «пару бычьих туго надутых пузыряей»). В романе Акунина Пелагии встречается обоз с двумя обезглавленными телами, а человеческие головы не раз будут фигурировать в романе, играя достаточно важную роль.

Акунин разделяет критическое отношение Лескова к официальной церкви. Позицию Акунина в этом вопросе демонстрирует разговор Митрофания с Бубенцовым. Владыка полностью осознает исходящие с верха «цели, к вере касательства не имеющие. Например, внедрение полицейских способов правления и в сферу духовную». На слова Бубенцова о том, что церковь должна быть органом досмотра, а «свободы – это для галлов и англосаксов, наша же сила – в единстве и послушании», владыка дает характеристику существующего в мире разрыва между внешним религиозным опытом и внутренним богопознанием: «По мне, пусть всякий верует, как хочет, только бы в Бога веровал, а не в дьявола» [2]. О подобном разрыве говорит и Лесков: «Мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся» [1].

Вторжение в заволжское мирное захолустье чиновника по особым поручениям Бубенцова, в прошлом повинного в безнравственных поступках, а ныне пользующегося покровительством властей предержавших, – отголосок приезда в Старгород Измаила Термосесова. Образы этих двух антигероев в некоторой степени соотносятся. Оба выступают как олицетворение зла, оба амбициозны, корыстны, не гнушаются никакими средствами в достижении цели. Термосесов «по какой-то студенческой истории в крепости сидел» [1], а Бубенцов «получил суровое наказание – десять лет крепости» [2]. По приезду в провинцию оба начинают немедленно плести интриги, воздействуя на женщин свои напором и обаянием. План обоих злодеев – сострять

громкое дело на костях праведных священнослужителей, и все это с одной только целью – зарекомендовать себя в глазах властей и продвинуться по карьерной лестнице.

Провинция у Акунина не столько попытка отразить ментальность русского народа, разобраться в тонкостях человеческой души, сколько пространственный фон для разворачивания событий. Жанр диктует свои правила. В детективе на передний план выходит процесс расследования загадочного происшествия, и один из образующих конфликтов – столкновение справедливости с беззаконием. С этой точки зрения роман «Пелагия...» строится на принципиально иной коллизии, нежели сюжет «Соборян», основой которого является духовная и жизненная драма священника-«донкихота» Савелия Туберозова.

По мере разворачивания событий в романе оказываются стянутыми в единый содержательный узел все сферы духовного и материального бытия, олицетворяющего уходящую русскую

патриархальность. Однако, несмотря на свой исторический ход, мир

«доброй старой сказки» представал у Лескова не утратившим гармонии и целостности, хотя патриархальное общество и виделось Лескову неким «сонным царством». Его тревожила нарождающаяся

«новая жизнь», а именно ее нравственная ущербность.

Подобная проблематика проявляется и у Акунина. «Новая жизнь» в лице циников, руководствующихся принципами хитрости и лукавства, определенно волнует автора. Но если у Лескова еще тверды устои старой России, то у Акунина между «новым» и «старым» пропасть не так уж велика. Со всей своей оторванностью и изолированностью провинциальный ход «Пелагии...» более адаптирован, нравственное несовершенство жизни воспринимается не как нечто ужасающее, а как неизбежная часть жизни человеческого общества.

В отличие от «Соборян», мир русской провинции в «Пелагии...» утратил свою гармонию: после сцены суда все, казалось бы, должно вернуться на круги своя, однако в заключительных строках автор прямо указывает на продолжение истории: «Приблизившись к зданию суда, монах натянул вожжи, останавливая разогнавшихся лошадей, соскочил наземь и крикнул Пелагии... Впрочем, не станем пересказывать, что именно прокричал вестник, потому что это будет уже начало совсем другой истории, еще более диковинной, чем история про белого бульдога» [2]. Старгород возвращается к привычной жизни после всех событий, что свидетельствует о еще относительно устойчивом положении традиций, в Заволжске же цепочка событий только началась.

Какую бы эпоху ни изображал Акунин в своих произведениях, он всегда остается современным писателем, и проблемы своего века подает сквозь призму времен, уже ушедших. Несущая «новое» компания Бубенцова – обобщенный образ тех врагов человечества, которые стремятся разрушить религиозные и национальные устои общества и погубить его представителей.

Список литературы

1 Лесков, Н. С. Соборяне [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0020.shtml. – Дата доступа: 27.04.2016.

2 Акунин, Б. Пелагия и белый бульдог [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Режим доступа: http://www.lib.ru/RUSS_DETEKTIW/

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ